

...Встает над сказочной страной золотой бог — солнце. И поля, джунгли озаряются утренним светом... Солнце! Золотой бог!

Не успел открыться занавес, как зал наполнился аплодисментами. Читинцы тепло приветствовали Махмуда Эсамбаева, в четвертый раз приехавшего в наш город.

...Это было давным-давно: горное село близ Грозного, бедная семья, где, кроме маленького Махмуда, еще три старших брата. В то время отец Алисултан приобрел в городе хороший топор и целыми днями мог только и говорить что о нем. Если кто-то из селян брал топор, Алисултан ходил сам не свой: топор уж очень хороший. А стоило кому-то приехать и спросить у него:

— Алисултан, дай мне Махмуда на свадьбу, пусть станцует для молодежи и гостей, — он махал руками: бери, мол, бери, не жалко.

Когда Махмуда Алисултановича спрашивают, как он относится к известности, он неизменно говорит так: «Я никогда не думал о славе и не считаю себя знаменитым. Хотя знаменитым я все-таки был — в четыре года. Меня брали на свадьбы танцевать. И если говорили о том, как прошла свадьба, то обязательно спрашивали: «А сын Алисултана Махмуд там танцевал?». Если танцевал, то свадьба удалась».

Шустрый, темноглазый чечененок ни минуты не мог усидеть на месте: он бегал, прыгал, сочинял свои танцы.

С Махмудом постоянно случались какие-нибудь смешные истории. Однажды в село приехали какие-то люди и к огромному столбу привязали что-то черное, очень напоминающее ведро.

— Оно скоро заговорит, — сказали неизвестные и уехали.

Три дня приходили селяне к столбу и с затаенным страхом ждали, когда это «ведро» заговорит. Махмуд тоже ходил к столбу вместе с матерью. И вот на четвертый день из «ведра» послышалось: «Кх, кх...» — и чей-то голос заговорил на незнакомом для чеченцев русском языке. Мах-

муд в слезах прибежал домой:

— Баба, баба (так у чеченцев обращаются к матери), оно заговорило! Это меня черт наказал! Я тебя обманул, я три раза не молился... Баба, пусть оно не говорит больше, я буду молиться!.. Откуда мог знать мальчишка, что это обыкновенное радио.

Когда подошло время идти в школу, отец сказал Махмуду: «Учи русский язык. Хорошо учи. А если узнаю, что танцевал в школе...». На всю жизнь запомнил Махмуд Алисултанович школьные годы: надо смирно сидеть, выводить буковки, а ему хочется танцевать. Долго терпел непоседа, помня строгий наказ отца не танцевать, но однажды забыл обо всем... На перемене выскочил на улицу и завертелся волчком, стал перед ребятами показывать все, что умел. Уже звонок дали на урок, а школьники стоят во дворе, смотрят и не хотят уходить. В этот же день Махмуда вызвали к директору.

— Танцевать умеешь? — спросил он. — Танцуй. Здесь. Долго упрашивать Махмуда незначем, он начал танец. «Хватит, — прервал его директор. — Иди теперь в класс».

После Махмуда взяли на олимпиаду художественной самодеятельности в Грозный. Всем зрителям понравился чечененок, стремительно танцующий, легкий и гибкий. Впервые в своей жизни сын Алисултана, самого бедного в селе, держал в руках печенье, конфеты. «Я тогда всего наелся, что мне подарили, — вспоминает Махмуд Алисултанович. — Да так наелся, что две недели пролежал больно».

Это было давным-давно. Сейчас маленький чеченец вырос и зовут его теперь по имени-отчеству. И теперь он не шаловливый школьник, а народный артист СССР.

Вечность танца — она покоряет сердца тысяч зрителей, покоряет своей величавостью и могуществом. Танец всегда становится вечным, если он служит народу. Много работал над собой и своим искусством Махмуд Эсамбаев, прежде чем нашел свою личную, выстраданную программу — «Танцы народов мира».

— Я понял, что был не на своем месте, почувствовал, что должен танцевать другое... Ему снились красивые сказки, в которых он танцевал

ГАСТРОЛИ

ВЕЧНАЯ СКАЗКА ТАНЦА

что-то удивительное и новое. И он решил: а почему бы не танцевать это новое наяву, ведь делает же он это во сне! Работа стала интересней, Махмуд Эсамбаев увлекся программой, создавал сам себе эскизы. Труд был не напрасен, это с большой уверенностью подтвердил артист на своем первом международном конкурсе: за 12 дней завоевал медали по трем видам танца.

...Каждый выход Эсамбаева читинцы встречали аплодисментами. Испанские мелодии. Тореадор с красным плащом в руках. Тонкая талия, изящная шея, чувственные руки. «Какая осанка! — восхищенно прошептала за моей спиной какая-то женщина. — Он молодой. Сколько ему? Наверное, лет тридцать?».

Как отнесся бы Махмуд Алисултанович, услышав эти слова? Ведь ему далеко не тридцать, ему 57 лет. Да-да, 57 и он танцует.

— Как мне удастся сохранять отличную форму? — переспрашивает Эсамбаев. — Режим соблюдаю. Утром — чай, в обед никогда не ем второго, только первое. И кусочек хлеба. Вы не представляете,

как я хочу всегда есть, но... Режим есть режим.

Каждый танец говорит о чем-то своем, по-своему замечателен и выделит какой-то из танцев Эсамбаева, особенно просто невозможно, это будет несправедливо. Но все же читинскому зрителю, судя по непрекращающимся аплодисментам, больше всего пришелся по душе индийский танец «Золотой бог». Великолепие костюма, откровенность движений. Это, действительно, был бог солнца — медленно, величественно, еле заметно поднимается артист с пола, как огромное желтое зеркало солнца встает по утрам над голубыми горами. Две с лишним минуты, пока Эсамбаев поднимается в этом танце, грудь его, как каменная, не движется, он не дышит. Две с лишним минуты!

Жизнь Эсамбаева неотделима от танца: танец живет в нем и когда артист работает, и когда отдыхает. Время идет только на танец.

Что в жизни самое важное? «Найти свой правильный путь», — считает Эсамбаев. Тот самый единственный путь, по которому идти всю жизнь.

Артист — самая кропотливая, порой неблагоприятная профессия. Ведь совсем не просто стать искусным танцовщиком, это только видимая легкость. А за изящными движениями, за гибкостью и спокойствием — долгие месяцы и даже годы тяжелой работы.

Махмуд Алисултанович очень разноплановый танцовщик: то он — гордая птица из древнего танца инков «Павлин», то черноокий ревнивец — цыган. Знаете, что сразу же обращает на себя внимание зрителей? Глаза, такие огромные и горячие, что, кажется, на тебя со сцены два маленьких костра мечут свои искры. В глазах — характер танца, чувство и душа актера.

...Звучат последние аккорды, под громкие возгласы «браво» уходит со сцены Махмуд Эсамбаев.

И пусть не скоро теперь увидят читинцы талантливого артиста, в памяти их, в душах останется вечная сказка танца.

Е. МОЖАРОВСКАЯ.
Фото Е. Епанчинцева.